

Рец. на кн.: ELLIOTT ORING. *JOKING ASIDES: THE THEORY, ANALYSIS, AND AESTHETICS OF HUMOR.*

Logan: Utah State University Press, 2016. 268 p.

Анастасия Сергеевна Астапова

Тартуский университет
18 Юликооли, Тарту, Эстония
Уппсальский университет
3 Старая пл., Уппсала, Швеция
anastasiya.ast@gmail.com

Аннотация: Книга ведущего американского фольклориста и исследователя юмора Эллиотта Оринга включает статьи, посвященные основным теориям комического, а также непосредственный анализ самых популярных юмористических жанров. Помимо того что сборник является всесторонней публикацией о теории и практике комического, ее автор подвергает детальной критике научные стереотипы о юморе. Особенно полезными кажутся статьи о заблуждениях, связанных с теорией комического Фрейда и еврейскими анекдотами, а также о политическом анекдоте в репрессивных режимах. Книга рекомендуется как исчерпывающая хрестоматия об анекдотах, а также в качестве источника новых исследовательских гипотез и вопросов о юморе, к диалогу о которых приглашает автор.

Ключевые слова: юмор, анекдоты, фольклор, теории комического, теории юмора, шутки, Фрейд, еврейские анекдоты.

Для ссылки: Астапова А. Рец. на кн.: Elliott Oring. *Joking Asides: The Theory, Analysis, and Aesthetics of Humor.* Logan: Utah State University Press, 2016. 268 p. // *Антропологический форум.* 2017. № 35. С. 241–250.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/035/astapova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2017, NO. 35

A Review of ELLIOTT ORING, *JOKING ASIDES: THE THEORY, ANALYSIS, AND AESTHETICS OF HUMOR.*

Logan: Utah State University Press, 2016, 268 pp.

Anastasiya Astapova

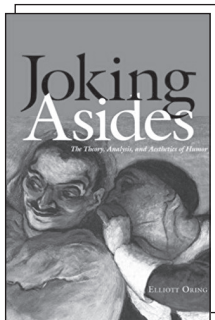
University of Tartu
18 Ülikooli, Tartu, Estonia
Uppsala University, Institute for Russian and Eurasian Studies
3 Gamla Torget, Uppsala, Sweden
anastasiya.ast@gmail.com

Abstract: Written by leading American folklorist and humor researcher Elliott Oring, *Joking Asides* includes both essays on major comedic theories and analysis of the most popular genres of humor. This is not only the most comprehensive publication on humor theory and practice: its author exposes major stereotypes and misconceptions about humor. This is especially relevant to what are (subjectively) the best articles in the volume: myths of Jewish jokes and Freud's analysis of humor, and political jokes under repressive regimes. Oring's collection of articles is highly recommended as an exhaustive reader on jokes and as a source of new questions and hypotheses for potential and current researchers of humor.

Keywords: jokes, humor, folklore, humor theory, Freud, Jewish jokes.

To cite: Astapova A., 'A Review of Elliott Oring, *Joking Asides: The Theory, Analysis, and Aesthetics of Humor.* Logan: Utah State University Press, 2016, 268 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 35, pp. 241–250.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/035/astapova.pdf>

Рец. на кн.: **Elliott Oring**. *Joking Asides: The Theory, Analysis, and Aesthetics of Humor*. Logan: Utah State University Press, 2016. 268 p.

Книга ведущего американского фольклориста и исследователя юмора Эллиотта Оринга включает статьи, посвященные основным теориям комического, а также непосредственный анализ самых популярных юмористических жанров. Помимо того что сборник является всесторонней публикацией о теории и практике комического, ее автор подвергает детальной критике научные стереотипы о юморе. Особенно полезными кажутся статьи о заблуждениях, связанных с теорией комического Фрейда и еврейскими анекдотами, а также о политическом анекдоте в репрессивных режимах. Книга рекомендуется как исчерпывающая хрестоматия об анекдотах, а также в качестве источника новых исследовательских гипотез и вопросов о юморе, к диалогу о которых приглашает автор.

Ключевые слова: юмор, анекдоты, фольклор, теории комического, теории юмора, шутки, Фрейд, еврейские анекдоты.

“Joking¹ Asides” — уже третий сборник статей об анекдотах Эллиотта Оринга, которого без сомнения можно назвать самым известным и влиятельным исследователем юмора в фольклористике. Интерес Оринга к юмору проявился уже в его диссертации (1974), которая была посвящена еврейским анекдотам и написана в университете Индианы. Некоторые статьи из “Joking Asides” публиковались ранее, но для интересующихся темой удобно прочитать все статьи автора о юморе, собранные за последние годы в одной публикации. В предисловии к книге Оринг признается, что не претендует на сенсационные открытия, которые наконец ответят на сложные вопросы о юморе, — даже наоборот, его статьи чаще ставят задачи, чем предлагают решения.

Первые пять статей посвящены основным теориям юмора — точнее сказать, их критике. Уже на этом этапе становится понятно, насколько эта книга полезна для фольклористов, антропологов и других исследователей комического. Оринг доступно описывает основные теории юмора и скрупулезно

Анастасия Сергеевна Астапова

Тартуский университет,
Тарту, Эстония /
Уппсальский университет,
Уппсала, Швеция
anastasiya.ast@gmail.com

¹ Значение “joke” не тождественно значению русского термина «анекдот»: “joke” может также пониматься как «шутка», «острота», «прикол». В рецензии я буду переводить “joke” как «анекдот» или «шутка», если только в том или ином контексте не указано на более конкретный жанр.

перечисляет свои претензии, причем не только в отношении самих теорий. Так, первая статья называется «Что Фрейд на самом деле говорил об анекдотах». В ней автор приводит перечень традиционных стереотипов о теории психоанализа, которые свойственны не только обывателям, но и профессиональным исследователям, так и не прочитавшим первоисточник внимательно. «Хотя книга Фрейда о шутках является широко признанной, ее совсем не обязательно широко читают» (Р. 3). Считается, что юмор по Фрейду — это выражение латентных, особенно сексуальных идей и агрессий, которые в свое время были вытеснены в подсознание. Будучи внимательным читателем, Оринг начинает опровергать эту точку зрения и другие стереотипы о теории Фрейда на примере сравнения шуток со снами. Он приводит еще несколько популярных заблуждений, согласно которым Фрейд считал, что шутки и сны во многом тождественны. На самом деле Фрейд утверждал, что «сон — это желание, которое сделали неосознанным, тогда как юмор — это развитая игра» [Freud 1960: 172]. Тождественность шуток и снов — только в изначальной подсознательности обоих процессов, но в шутке, в отличие от сна, вытеснение подсознательного вполне осознанное. Иными словами, люди хорошо понимают, что делают, рассказывая эротический или политический анекдот. «Анекдот выступает не как возможность вытеснить неосознанное, а как литературная конструкция, санкционирующая сообщение об осознанных, хотя и социально неодобряемых мыслях в данном обществе» (Р. 12). Таким образом, всеобщее восприятие теории комического Фрейда как идеи о вытеснении бессознательного не является главной мыслью самого Фрейда. Оринг привлекает внимание к совсем другим аспектам теории, которые, по его мнению, были гораздо важнее в понимании Фрейда, и предлагает считать концепцию Фрейда «риторической теорией юмора», т.к. она демонстрирует, насколько эффективно анекдот позволяет говорить о темах, табуированных в обществе.

Оринг высоко оценивает теорию Фрейда и полагает, что при внимательном прочтении в ней можно найти больше продуктивных идей, на которые пока не обращали внимания. Этого, однако, нельзя сказать о прочих, уже ставших классическими теориях юмора, которые Оринг пересматривает в следующих четырех статьях начиная с теории несоответствия. В самом полном варианте эта теория носит название «Общей теории вербального юмора», ее авторы — Виктор Раскин (Victor Ras-kin) и Сальваторе Аттардо (Salvatore Attardo). Согласно этой теории, несоответствие, которое компенсируется юмором, формируется с помощью одного из шести ресурсов: языка, нарративной стратегии, объекта юмора, ситуации, логического механизма и оппозиции скриптов. Например, эти во многом

похожие анекдоты о поляках отличаются нарративной стратегией (структурой) и ситуацией.

Чтобы вкрутить лампочку нужно пять поляков: один держит лампочку, еще четверо крутят стол, на котором он стоит.

Сколько поляков нужно, чтобы помыть машину? — Два. Один держит губку, а второй двигает машину в разные стороны.

Теория, как правило, используется для анализа анекдотов из печатных источников, но на множестве примеров Оринг показывает, что даже к ним она не очень применима, не говоря об устном юморе. Так, ресурсы, с помощью которых предлагается сравнивать анекдоты, слишком разные. Если язык и нарративная стратегия — это неотъемлемые части любого анекдота, то объект анекдота — величина менее постоянная: им может быть герой стереотипов о глупости (поляк) или никак не названное действующее лицо. Оринг подвергает критике понимание каждого ресурса, показывая, что Раскин и Аггардо анализируют анекдоты как некие машины с определенным набором деталей, тогда как составляющие анекдотов можно определять слишком по-разному. Еще больше проблем возникает, если изучать анекдоты, реально функционирующие в устной коммуникации, чего теоретики в основном избегают.

В третьей статье Оринг подвергает столь же обоснованной критике теорию смешения (“Blending theory”), созданную когнитивными лингвистами Марком Тернером (Mark Turner) и Жилем Фоконье (Gilles Fauconnier) и претендующую на изучение креативного и спонтанного использования языка в реальной коммуникации. Согласно ее авторам, языковые нововведения, например метафоры, появляются в результате смешения элементов из разных концептуальных сфер. С помощью подобного смешения формируются и анекдоты. Но Оринг снова демонстрирует, как теория не работает на реальных примерах (хотя амбиции авторов — как раз исследовать язык в его функциональном контексте). Далекое не каждое смешение подходит для создания анекдота, при этом слишком много других текстов, например мифологических, основано на смешении. Оринг показывает, что до того как применить теорию смешения, анекдот нужно подвергнуть подробному анализу, и сомневается в необходимости теории, назначение которой вторично. Еще один повод для критики: с помощью теории смешения можно проанализировать слишком много типов текстов, и если теория не различает юмористические и неюмористические тексты, от нее мало пользы для анализа юмора. С последним я бы поспорила: например, метод финской школы, применяемый к изучению сказок, вполне подходит к несказочным текстам (тем же анекдотам).

Теория безвредных нарушений (“Benign violation theory”), о которой говорится в четвертной статье, связана с теориями несоответствия. Ее авторы Питер МакГроу (Peter McGraw) и Кaleb Уоррен (Caleb Warren) считают, что юмор характеризуется обязательным соблюдением трех условий: 1) ситуация выходит за пределы нормального (всего, что ставит под вопрос чьи-либо представления о мире); 2) ситуация является безвредной; 3) то и другое происходит одновременно. Оринг утверждает, что теория несостоятельна, т.к. она преувеличивает роль эмоций. Он показывает это на различных примерах, на мой взгляд, попадая при этом в собственную ловушку. В предыдущих статьях он убедительно доказал, насколько варьируется анализ анекдота в зависимости от его восприятия. Когда он переходит к критике теории безвредных нарушений на материале конкретных анекдотов, читатель может поспорить почти с каждым его примером: часто различные трактовки одного и того же элемента анекдота могут зависеть от эмоционального отношения к нему. Однако вопросы, возникающие в процессе анализа, — это как раз то, что Оринг честно обещал в самом начале книги. Детальный анализ конкретных анекдотов с помощью различных теорий позволяет определить не только слабость последних, но и отсутствие идеальной альтернативы.

В пятой статье Оринг подробно описывает теорию, разработанную психологами Мэтью Харли (Matthew M. Hurley) и Реджинальдом Адамсом (Reginald B. Adams) и философом Дэниелом Деннетом (Daniel C. Dennett), называя ее одной из самых полных и доказательных и сравнивая по этим показателям с теорией Фрейда. Концепцию можно назвать теорией заблуждений: согласно ей, юмор возникает, когда мы обнаруживаем ошибки в предположениях, которые воспринимали как данность. Иными словами, нам смешно, когда определенное закрепившееся представление, которое мы считали правдивым, вдруг оказывается неверным и это открытие не сопровождается негативной эмоциональной оценкой. Оринг приводит доводы в пользу этой теории. Действительно, юмористические стимулы часто вводят нас в заблуждение. Однако ее упущением он считает предположение о том, что эпистемологические конфликты, генерирующие смех, разрешаются при открытии ложности одного из конфликтующих предположений. Таким образом, теория упускает возможность совмещения: Оринг полагает, что проницательная шутка разрешает лишь мнимый конфликт.

Относясь положительно к теории в целом, Оринг критикует ее эволюционную составляющую, согласно которой в процессе развития человеческий мозг постоянно задействован в эвристическом поиске, пытаясь предчувствовать дальнейшее раз-

вение того или иного события. В этом процессе мозг подвержен ошибкам и ему необходим механизм для их определения. Поскольку ни один механизм не является совершенным и постоянно находятся концепты, опровергающие предыдущие представления, мозг нуждается в дополнительном защитном механизме. Таким механизмом становится юмор, который служит для определения ложной тревоги. Например, шимпанзе используют «игровые лица», чтобы показать, что их поведение неагрессивно. Подобные ранние формы юмора и смеха позже дополнены эволюцией в более широких целях, например для выбора сексуального партнера, когда смех в ответ на шутку сигнализирует о когнитивных способностях и, соответственно, пригодности для репродукции.

Оринг оспаривает эволюционную составляющую теории, отмечая, что идентификация и положительная оценка личного чувства юмора — достаточно позднее явление даже в западных цивилизациях (тогда как не на Западе чувству юмора могут и вовсе не придавать значения). Кроме того, человечество продолжает совершать одни и те же ошибки и позволяет вводить себя в заблуждение с помощью одних и тех же механизмов юмора. В то же время Оринг соглашается, что стремление к увеселению должно было развиваться из чего-то более раннего, поэтому обращение авторов к эволюции в их поисках в целом оправдано.

Параллельно в первых пяти статьях упоминаются некоторые менее известные теории, которым Оринг также дает оценку. В качестве альтернативы всем перечисленным концепциям он предлагает собственную — “appropriate incongruity”, что можно перевести приблизительно как «уместное несоответствие». Согласно формулировке Оринга, юмор — это восприятие отношений между элементами из обычно несочетаемых областей как уместных. Автор упоминает свою теорию почти в каждой главе, но специально о ней не пишет. Подробнее она была изложена в его более ранней статье [Oring 1992: 2].

В качестве иллюстрации своей теории Оринг приводит юмористическую загадку:

- *Что имеет голову, но не может думать?*
- *Спичка.*

Несоответствие ситуаций в загадке — наличие головы при невозможности думать ею — разрешается с помощью ответа, который делает сосуществование этих ситуаций уместным [Oring 1992: 3]. Таким же образом работает уместное несоответствие в анекдоте, только несоответствие там, в отличие от юмористической загадки, скрытое, имплицитное.

Кенгуру заходит в питейное заведение, в бар, и заказывает виски с содой. Бармен смотрит на кенгуру с любопытством и готовит заказанный напиток. «С вас 4,75», — говорит бармен. Кенгуру достаёт из кармана кошелек, берет из него деньги и платит. Через пять минут бармен подходит к кенгуру и говорит:

— *Знаете, у нас тут не бывает много кенгуру...*

— *Неудивительно для бара с выпивкой по 4,75.*

Безусловно, в вымышленном мире анекдота возможны любые несоответствия, даже кенгуру в баре. Однако ненормальность ситуации подчеркивается любопытством бармена. Когда он наконец пытается удовлетворить свое любопытство, несоответствие ситуации бара и действующего лица кенгуру разрешается с помощью непосредственного ответа последнего.

Далее Оринг перечисляет техники, с помощью которых несоответствие в анекдоте становится уместным. Теория, безусловно, связана с вышеперечисленными концепциями, но у нее есть и значительные отличия. Например, теория безвредных нарушений, которая на первый взгляд очень похожа на теорию уместных несоответствий, акцентирует внимание на эмоциях в восприятии юмора (отношении к тому, что нарушается), тогда как по мысли Оринга за восприятие юмора отвечает интеллект. Оринг одинаково строг и к собственной теории, перечисляя вопросы, на которые она пока не может ответить. Он признает, что, возможно, его теория лучше других только благодаря более удачной формулировке.

Начиная с шестой главы, Оринг переходит к собственному анализу конкретных юмористических произведений самых разных жанров, включая противоречивую кинокомедию «Борат». Художественный фильм построен как псевдодокументальное кино о путешествии казахского журналиста по имени Борат Сагдиев из маленькой казахской деревни в США в поисках знаний, которые можно применить для улучшения уровня жизни в собственной стране. Оринг показывает, как по-разному может восприниматься расистский и сексистский юмор в кино: запрещенный в нескольких странах (включая Казахстан) фильм, однако, увеличил количество заявлений на казахскую визу в несколько раз, стимулировав туристическую отрасль Казахстана. В течение нескольких страниц Оринг защищает право подобного фильма на существование и утверждает, что шутка над теми, кто счел изображение Казахстана и казахов в фильме правдивым, удалась. Моральные конфликты всегда ставят под сомнение произведение в юмористическом жанре, но непонятно, кто больше манипулирует смыслами: создатель фильма или возмущенный комментатор.

Некоторые части “Joking Asides” уже были опубликованы ранее и успели стать классикой, например статья о политических анекдотах в репрессивных режимах. На мой взгляд, это лучшая статья о политическом юморе из существующих на сегодняшний день. Автор-американец, не имеющий опыта жизни при репрессиях (или семейной истории, связанной с политическими репрессиями), демонстрирует удивительную проницательность. Оринг начинает с анализа теорий политического юмора, авторы которых пытались ответить на вопрос, почему анекдоты рассказывали, несмотря на страх наказания. Материалом ему служат собственные интервью с выходцами из стран с репрессивными режимами, посвященные тому, что для людей значили политические анекдоты, в каких ситуациях и кому их рассказывали. Удивительно, что подобное исследование с опорой на интервью со старшим поколением не было проведено постсоветскими антропологами и фольклористами (за исключением Алексея Юрчака). Из шести возможных объяснений популярности политических анекдотов вопреки страху наказания Орингу ближе всего предположение, что политические анекдоты позволяют людям отвлечься от реальности и на минуту почувствовать, что они, а не власти контролируют ситуацию. Анекдоты создают мир, непроницаемый для политических проблем и идеологических доктрин.

К модной сейчас теме Оринг обращается в восьмой статье — об анекдотах, которые распространяют в форме списков в интернете. Он оправдывает их изучение в качестве фольклорного материала и одним из немногих демонстрирует, как именно формируются, редактируются, рецензируются и распространяются списки анекдотов во всемирной сети. Оказывается, эти процессы происходят по законам, сравнимым с законами существования устных форм фольклора: списки анекдотов складываются в результате совместного творчества и коллективной цензуры.

В девятой статье Оринг возвращается к анализу общепринятых теорий и представлений о юморе, на этот раз обращаясь к *narrative joke* (нарративная шутка / анекдот). Несмотря на повсеместное использование этого термина исследователями, общепринятого его понимания не существует. Считается, что жанр включает основные особенности других повествовательных жанров — последовательность действий или событий, которая заканчивается изменением статуса героев или отношений. При этом не всегда понятно, что считать действием, событием, статусом, отношениями. Признавая условность существующих определений, Оринг проводит собственное исследование по поиску нарративных шуток в источниках из разных стран и веков и приходит к выводу: в публикациях до XIX в. юмористи-

ческие нарративы с панчлайном практически отсутствуют. По его мнению, анекдот с панчлайном — это поздняя форма, что, однако, предстоит доказать в дальнейших исследованиях.

На мой взгляд, десятая глава, посвященная демифологизации еврейского анекдота, по значимости сравнима со статьями о политическом анекдоте и стереотипах, связанных с восприятием теории Фрейда. Еврейский анекдот не только один из самых изученных юмористических циклов, он также собрал вокруг себя больше всего мифов. Оринг их перечисляет: еврейский юмор — продукт уникальной еврейской культуры; он более высокого качества, чем другие циклы этнического юмора; он самокритичный; еврейский юмор зародился и сформировался в Восточной Европе; его исключительность обусловлена постоянным притеснением евреев, а также Хаскалой, движением еврейского просвещения. Оринг ставит под вопрос большинство этих утверждений с помощью анализа самых ранних доступных коллекций анекдотов. Оказывается, что первые собиратели не оценивали жанр слишком высоко по сравнению, например, с песнями, которые считались отражением еврейской души. Признание к еврейскому анекдоту пришло лишь в начале XX в. Историко-географический метод позволяет Орингу показать, что сюжеты еврейских анекдотов часто вовсе не уникальны, а являются переделками более ранних сюжетов. Более того, трудно найти какие-либо этнографические свидетельства и записи, позволяющие утверждать, что евреи шутили чаще других этнических групп. Наконец, если предполагаемая исключительность еврейского юмора обусловлена постоянным притеснением евреев, почему притеснение не привело к созданию уникального армянского или цыганского юмора? Поставив, таким образом, под сомнение общепринятые представления о еврейском юморе, Оринг предлагает исследователям новые гипотезы для проверки. Кроме того, он справедливо сравнивает еврейский анекдот с финской Калевалой, показывая, как важен фейкlor и мифологические идеи о фольклоре для создания воображаемого сообщества.

В одиннадцатой главе автор обращается к сопоставлению анекдотов и искусства. Он перечисляет их сходные черты: намеренность, значимость формы, целостность, беспристрастность, важность понимания и оценки и т.д. Оринг предлагает рассматривать юмор в качестве категории искусства, вызывающей эстетические эмоции, и считает, что от подобного рассмотрения выиграет не только теория юмора, но и теория искусства.

В последней главе Оринг анализирует перформанс двух искусных рассказчиков анекдотов. Чтобы задокументировать пред-

ставление, он приглашает их к себе на ужин и наблюдает, как они соревнуются, спорят о том, какие анекдоты смешнее и как их нужно рассказывать. Как обычно, он подвергает сделанные записи самому подробному анализу, в очередной раз обращаясь, в отличие от теоретиков, к реально функционирующим анекдотам.

Сборник статей Оринга отлично подойдет для чтения и обсуждения на семинарах о юморе, теориях комического, фольклорном и литературном анекдоте, да и вообще о заблуждениях и стереотипах в науке. Книга не только является своеобразной хрестоматией, включающей основные аспекты изучения комического; читатель может также с уверенностью положиться на ответственного, дотошного и эрудированного автора, который вряд ли допустит ошибку. Приятным дополнением к содержанию станет четкий и понятный язык. Автор использует краткие заголовки, лаконичные предложения и эффектные метафоры, которые очень хорошо иллюстрируют приводимые аргументы.

Оринг задает немало вопросов, которыми могут воспользоваться исследователи юмора в поиске тем для новых исследований. Можно ли создать полный список логических механизмов, на которых строится анекдот? Почему одни анекдоты смешнее других? Какие коммуникативные неудачи происходят при рассказывании анекдотов? Почему одни рассказчики лучше других? Почему считается, что у евреев самые лучшие анекдоты? Напомню, еще во введении Оринг обещает больше задач, чем решений, и на протяжении всего сборника он щедро делится этими задачами с читателями. В конце книги Оринг признается, что надеется: найдутся ученые, которые ответят на его вопросы и зададут ему новые. Кстати, по моим личным наблюдениям, Оринг — один из немногих исследователей юмора, который умеет рассказывать анекдоты, что не может не добавит доверия к его книге.

Библиография

- Freud S.* Jokes and Their Relation to the Unconscious / Ed. and transl. by J. Strachey. L.: Hogarth Press; The Institute of Psycho-Analysis, 1960. 272 p. (The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud: In 24 vols. Vol. 8).
- Oring E.* Appropriate Incongruity // Jokes and Their Relations. Lexington: University Press of Kentucky, 1992. P. 1–15.

Анастасия Астапова

A Review of Elliott Oring, *Joking Asides: The Theory, Analysis, and Aesthetics of Humor*. Logan: Utah State University Press, 2016, 268 pp.

Anastasiya Astapova

University of Tartu,
18 Ülikooli, Tartu, Estonia
Uppsala University, Institute for Russian and Eurasian Studies
3 Gamla Torget, Uppsala, Sweden
anastasiya.ast@gmail.com

Written by leading American folklorist and humor researcher Elliott Oring, *Joking Asides* includes both essays on major comedic theories and analysis of the most popular genres of humor. This is not only the most comprehensive publication on humor theory and practice: its author exposes major stereotypes and misconceptions about humor. This is especially relevant to what are (subjectively) the best articles in the volume: myths of Jewish jokes and Freud's analysis of humor, and political jokes under repressive regimes. Oring's collection of articles is highly recommended as an exhaustive reader on jokes and as a source of new questions and hypotheses for potential and current researchers of humor.

Keywords: jokes, humor, folklore, humor theory, Freud, Jewish jokes.

References

- Freud S., *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten*. Leipzig; Wien: Franz Deuticke, 1905, 217 SS.
- Oring E., 'Appropriate Incongruity', *Jokes and Their Relations*. Lexington: University Press of Kentucky, 1992, pp. 1–15.